

Кишоту ра. 1994. - 7 маил. - С. 9.

«МАЛЕНЬКИЙ БУДДА»

Режиссер **Бернардо Бертолуччи**

Сегодня мы печатаем материал о фильме не отечественном, но о новой работе режиссера с мировым именем, которым является Бертолуччи. Картина была показана на фестивале в Берлине, и вызвала самые разноречивые оценки. Наша публика хорошо знает режиссера по таким его картинам, как «Конформист» и «Последний император». На МКФ в Москве было показано его «Расколотое небо».

Кирилл РАЗЛОГОВ

Последняя картина Бернардо Бертолуччи завершает его «восточную трилогию», начатую «Последним императором» и продолженную «Расколотым небом». Если первый фильм представлял собой исторический эпос, а второй — изощренную психологическую драму, то в последнем возобладал назидательный мистицизм. И это по-своему закономерно. Стремление современных европейцев найти ответы на мучающие их вопросы на Востоке объясняется множест-

вом разнопорядковых причин, главная из которых — исчерпанность традиционных источников вдохновения, духовный тупик западной цивилизации

Антониони бежал от отчуждения в Китай, Михалков в полном соответствии с модным ныне евразийством столкнул русскую «неевропейскую» душу с традиционной Монголией, ну а Бертолуччи через Китай перекочевал в Бутан, отсюда в Америку и обратно в Древнюю Индию.

«Маленький Будда» сочетает в себе два смысловых пласта

и две разные кинематографические традиции. Первый пласт — поиски ламой нового земного воплощения души своего учителя таких воплощений оказывается три (уж очень велик был учитель): американский мальчик, юный житель Катманду и девочка с Тибета. Второй — жизнеописание основателя буддизма Шакьямуни (в фильме он выведен под своим именем собственным Сиддхартха).

Второй пласт следует порядком подзабытой (даже среди ки-

новедов) традиции итальянских «пеплумов» — постановочных боевиков из древней истории, начало которым было положено еще в 10-е годы (вспомним знаменитую «Кабирию»). Правда, в новом варианте место «своей» греко-римской истории занимает история индийская, заложившая основы буддийской мифологии. Изложена она в упрощенном для детского восприятия варианте (сюжетный предлог — маленький американец приобщается к таинствам религии, проповеди которой

посвятило жизнь предшествующее воплощение его души). Несмотря на усилия Кину Ривза в роли принца Сиддхартхи (весьма своеобразное и по-своему интересное перевоплощение юного бунтаря-гомосексуалиста в восточного мистика), этот «фильм в фильме» чем-то неуловимо напоминает появившиеся на нашем телевидении примитивные передачи, направленные на ликвидацию религиозной безграмотности, и проповедь принципиально упрощенного «христианства для бедных».

При всем постановочном богатстве «Маленький Будда» также рассчитан «на бедных» (разумеется, не в прямом, а в переносном смысле). Уже в «Последнем императоре» были заметны элементы поверхностной экзотики и упрощения конфликтов. Здесь же агиография (средневековый принцип жития святых) празднует полную победу над былым бунтарством итальянского мастера. Трудно поверить, что этот же художник когда-то поставил «Перед революцией», «Последнее танго в Париже» и «Двадцатый век». Куда делись ощущение личной причастности к происходящему, страсть, эстетическая шероховатость, свидетельствующая о мучительных творческих поисках?

Здесь же все красиво, приглажено, благообразно. И безразлично, как для автора, так и для зрителя. В карьере Бертолуччи наступила фаза академизма, за которой может последовать либо полный творческий упадок, либо возрождение. Будем надеяться на второе, а пока я бы воздержался от восторгов, которые расточают иные мои коллеги «Маленькому Будде». Объясняется эта снисходительность (чтобы не сказать подобострастие) просто: как-никак Бертолуччи да и Восток, и метемпсихоз (переселение душ) нынче в моде. А картина-то до обидного слабая...

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

В этом году в Берлине, пожалуй, большинство участников фестиваля высказывало недоумение (а то и негодование) по поводу нового фильма Бертолуччи. «Маленького Будду» называли учебником для младших классов, иллюстрацией, не проникающей в суть одной из великих религий...

Честно говоря, я не вижу ничего плохого в том, чтобы сделать киноучебник по буддизму, аналогичный той книге с картинками, которую в фильме монах дарит мальчику. Но Бертолуччи, конечно, учебник не делал. Как не стремился, разумеется, постичь за два с половиной часа суть древнего верования.

Бернардо Бертолуччи — не школьный и даже не университетский профессор, не проповедник. Он — кинорежиссер. Один из крупнейших режиссе-

ров нашего времени. Поэтому он создал большой, роскошный, вкусный кинофильм.

Весьма сочувствую тем соотечественникам, что будут вынуждены смотреть «Маленького Будду» на пиратских видеокассетах. Это бессмысленное занятие. Только широкий формат (не широкий экран тоже) способен дать то ощущение от просмотра, на которое, как мне кажется, рассчитывал знаменитый итальянец.

Будда, его религия, его философия, его легендарная жизнь, его существование в современном мире, — все это предоставило Бертолуччи возможность снять кинофеерию, подобную тем, что на заре кинематографа создавал великий француз Жорж Мельес. И сравнить «Маленького Будду» надо не с «Последним танго в Париже», а с мельесовским «Путешествием на Луну», с его же «Галлюцинациями Мюнхгаузена», с лентой «На завоевание полюса». В новой бертолуччиевской картине, так же, как в старых мельесовских, перед нами открывается мир, которого как бы нет, но который тем не менее, более насыщен и удивителен, чем реально существующее бытие. Тот мир, который увидеть можно только в кино. Тот мир, ради постижения которого, быть может, кинематограф и появился сто лет назад.

И, возможно, оттого Бертолуччи и предпринимает уже третье кинопутешествие на Восток, что именно там нереальный, феерический, волшебный мир увидеть легче, чем на унифицированном, рационалистическом Западе.

Так скромный пекинский садовник Пу И может буквально раствориться, исчезнуть в покоях императорского дворца, а странствующая американка — возродиться к новой жизни под покровом ближневосточных небес. Там душа умершего ламы может воплотиться сразу в трех детских душах, а принц Гаутама — стать Буддой на глазах современных ребят.

Таков новый Бернардо Бертолуччи, автор вполне левацкого «Партнера», фрейдистского «Конформиста», еврокоммунистического «Двадцатого века». Мастер меняется, призывая к тому же своего зрителя.

Впрочем, зритель может и не следовать данному призыву.

